

В. В. Мальцев, В. А. Канубриков

О ПОНЯТИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ

В статье рассмотрены различные взгляды на уголовно-правовую норму, которую определяют по-разному: одни авторы под нормой уголовного права понимают правило поведения; другие рассматривают ее в более широком аспекте — как государственно-властные обязательные веления, выраженные

в нормах-предписаниях и правилах поведения; некоторые вообще полагают, что предписание Общей части уголовного права — это закрепленный в рамках отдельного тезиса, пункта части статьи или части статьи Общей части уголовного закона структурный элемент (субэлемент) уголовно-правовой нормы или связанный с ним структурный элемент (субэлемент) нормы другой отрасли права.

Сделан вывод о том, что уголовно-правовая норма — это социально-теоретическое положение, предусмотренное в определенной статье (если она подразделяется на части, пункты, или на части и пункты одновременно, то в части, пункте либо в части и пункте статьи) Общей части УК, относящееся к совокупности или отдельным существенным свойствам (признакам) преступления или наказания либо уголовного законодательства в целом; или выраженный в уголовно-правовой норме вид преступления (состав единичного (отдельного, конкретного) преступления), обособленный в диспозиции и санкции определенной статьи УК (если она подразделяется на части, пункты, или на части и пункты одновременно, то соответственно и в части, пункте либо в части и пункте статьи), система которых обеспечивает постоянное воздействие на социум охранительных и регулятивных уголовно-правовых отношений, а в случаях совершения преступлений — и реализацию применительно к их субъектам уголовно-правовых отношений ответственности.

Ключевые слова: уголовно-правовая норма, Общая часть УК РФ, структура уголовно-правовой нормы, состав преступления.

V. V. Maltsev, V. A. Kanubrikov

ON CRIMINAL LAW NORM CONCEPT

The article examines various views on criminal law norm which is determined differently: some authors interpret this concept anyway as rules of behavior; others consider this concept in a more wider aspect as state-authoritative obligatory decrees expressed in established norms and rules of behavior; some authors suppose that order of the Criminal Law General Part is a fixed structural element (sub-element) of criminal law norm or connected therewith norm structural element (sub-element) of the other branch of law within specific thesis, item of article part or part of article of Criminal Law General Part.

It has been concluded that criminal law norm is social-theoretical provision, stipulated by a specific article (in case it is divided into parts, items or both parts and items then in the part, item or part and item of the article) of the Criminal Code General Part, relating to totality or separate essential features (attributes) of a crime or punishment or criminal law in general; or expressed in criminal law norm type of crime (corpus delicti (of separate, particular crime) isolated in disposition and sanction of specific article of Criminal Law (in case it is divided into parts, items or both parts and items then accordingly in the part, item or both part and item of article) the system thereof ensures permanent influence on social guarded and regulatory Criminal-law relationship and in case of crimes commitment it ensures execution of obligations as to the subject of Criminal law relations.

Keywords: criminal law norm, General Part of RF Criminal Law, criminal law norm structure, corpus delicti.

Уголовно-правовую норму определяют по-разному: «Это общеобязательное правило социального поведения, установленное

государством, выраженное в уголовном законе и охраняемое органом государства путем контроля за его соблюдением и применения наказания или

иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений» [1, с. 13]. «Нормы уголовного права, — пишет Л. В. Иногамова-Хегай, — это государственно-властные обязательные веления, выраженные в нормах-предписаниях и правилах поведения. Нормой о преступлении является логическая уголовно-правовая норма, состоящая из нескольких норм-предписаний Общей и одной нормы-предписания Особенной частей УК РФ, имеющая трехэлементную структуру» [2, с. 62]. По мнению Н. М. Кропачева: «Норма уголовного права — это официально признанное общеобязательное правило поведения, являющееся мерой правовой оценки поведения участников общественных отношений как уголовно-правомерного или уголовно-противоправного и обеспечивающееся принудительной силой государственной власти» [3, с. 84]. «Уголовно-правовая норма, — подчеркивает Т. В. Кленова, — представляет собой законодательно оформленное правило, в котором регламентируется поведение субъектов уголовно-правового отношения» [4, с. 158].

В. П. Коняхин приходит к выводу: «Анализ качественных признаков предписаний, относящихся к Общей части уголовного права, позволяет заключить, что практически все они выходят за пределы собственно уголовно-правовых отношений и являются признаками норм более общих (например, конституционного) или зависимых (уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное) отраслей права. Круг рассмотренных вопросов позволяет сформулировать следующее определение. Предписание Общей части уголовного права — это закрепленный в рамках отдельного тезиса, пункта части статьи или части статьи Общей части уголовного закона структурный элемент (субэлемент) уголовно-правовой нормы или связанный с ним структурный элемент (субэлемент) нормы другой отрасли права, который содержит описание наиболее общих признаков преступности и наказуемости общественно опасных деяний либо способа применения (идентификации) данных признаков уполномоченными государственными органами и их должностными лицами» [5, с. 185].

«Норма уголовного права, — считает Н. А. Лопашенко, — это обязательное для исполнения или руководства при совершении действий

правовое положение, которое может иметь форму правила поведения, в том числе с мерой уголовной ответственности за его нарушение, и форму принципа, правового определения, декларации,

т. е. форму, правоположения, которые закрепляют важнейшие понятия уголовного права» [6, с. 48], при этом надо отличать «правоположения» как нормы уголовного права и «правоположения», которыми «именуются определенные коллизионные правила, выработанные в судебной практике для преодоления коллизий норм права» [7, с. 34]. Последние, понятно, при их теоретическом обосновании и практическом использовании могут стать нормами права, но только после их признания таковыми законодателем.

Ю. Е. Пудовочкин отмечает, что «деление уголовного права на Общую и Особенную часть справедливо исключительно для внешней формы выражения права — уголовного закона; только в законе возможно выделение Общей и Особенной части, уголовное право (если его рассматривать как систему норм) не может знать такого деления, поскольку состоит из единых уголовно-правовых норм». «Уголовно-правовая норма, — утверждает он далее, — не может иметь каких-либо специфических особенностей в своей структуре. Равно как и любая другая норма права, она состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, поскольку только совокупное наличие всех этих элементов дает в итоге завершённое, самостоятельное правило поведения» [8, с. 79]. Он приходит к заключению: «Если уголовно-правовая норма обращена к гражданам, ее структура выглядит так: при условиях, указанных в норме (гипотеза), запрещено совершать следующие действия (диспозиция) во избежание определенных нормой негативных последствий (санкция). Если же адресатом нормы рассматривать государство в лице его органов, то ее структура выглядит иначе: в случае нарушения лицом уголовно-правового запрета и совершения им преступления определенного вида (гипотеза), компетентные государственные органы обязаны выявить и покарать его или применить иные меры уголовно-правового воздействия (диспозиция). Иначе для них могут наступить неблагоприятные правовые последствия, не обязательно относящиеся к уголовному праву» [8, с. 80].

Следовательно, одни авторы под нормой уголовного права, так или иначе, понимают правило поведения: «общеобязательное правило социального поведения» (В. Д. Филимонов), «официально признанное общеобязательное правило поведения» (Н. М. Кропачев), «законодательно оформленное правило» (Т. В. Кленова); другие — рассматривают ее в более широком аспекте: «государственно-властные обязательные веления, выраженные в нормах-предписаниях и правилах поведения» (Л. В. Иногамова-Хегай), «обязательное для исполнения или руководства при совершении действий правовое положение» (Н. А. Лопашенко); а В. П. Коняхин вообще полагает, что «предписание Общей части уголовного права — это закрепленный в рамках отдельного тезиса, пункта части статьи или части статьи Общей части уголовного закона структурный элемент (субэлемент) уголовно-правовой нормы или связанный с ним структурный элемент (субэлемент) нормы другой отрасли права».

Верно отмечая, что «деление уголовного права на Общую и Особенную часть справедливо исключительно для внешней формы выражения права — уголовного закона; только в законе возможно выделение Общей и Особенной части», Ю. Е. Пудовочкин тем не менее излишне категоричен в том, что уголовно-правовая норма «не может иметь каких-либо специфических особенностей» и «состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, поскольку только совокупное наличие всех этих элементов дает в итоге завершенное, самостоятельное правило поведения». Действительно, большинство норм (прежде всего Особенной части) УК РФ состоят или включают в себя правило поведения и не только потому, что здесь вполне допустимо пользоваться понятием «логическая норма», которая «обнаруживается в нескольких статьях нормативного акта или даже в разных нормативных актах» [9, с. 31], но и главным образом в связи с тем, что без обозначения этих правил в уголовном законе невозможна реализация его регулятивной функции, а как следствие, образование конкретных составов преступлений и основанная на принципе законности правоприменительная деятельность в уголовно-правовой сфере. Однако и сводить все

нормы к правилам поведения или объединять их в конгломераты норм, чтобы получить «в итоге завершенное, самостоятельное правило поведения», тоже неверно. При таком подходе «самостоятельность» правила поведения и его нормативные границы обнаруживаются лишь на правоприменительном уровне, а на законодательном — и то, и другое становятся до такой степени расплывчатыми (иногда и вообще неопределимыми), что эти «единые уголовно-правовые нормы» по содержанию и смыслу, да и просто в силу их множественности, будут ближе к понятию «институт», чем «уголовно-правовая норма» — «низовое звено построения системы уголовного права» [8, с. 81].

Ю. Е. Пудовочкин прав, когда адресатами нормы считает как граждан, так и государство. Вместе с тем он не точен в том, что разделяет механизм воздействия нормы («если уголовно-правовая норма обращена к гражданам», «если же адресатом нормы рассматривать государство») на граждан и на государство, тогда как это единый охранительно-регулятивный механизм одновременного воздействия на указанных адресатов. К тому же и по содержанию это воздействие гораздо глубже и шире, чем осуществляемое «самостоятельным правилом поведения». При всем единстве воздействия охранительно-регулятивного механизма уголовного закона на социум правило поведения (регулятивное отношение), регулятивная функция отнюдь не включают в себя (не подчиняют) санкцию уголовно-правовой нормы (охранительное отношение), охранительную функцию. Состав преступления и диспозиция нормы Особенной части УК РФ не содержат в себе ее санкцию, которая и применяется только при наличии в действиях лица состава преступления, при соответствии этих действий диспозиции, как следствие нарушения правила поведения. Как причина и следствие не могут быть объединены в одном понятии, так и правило поведения не может охватывать наказание, предусмотренное за его нарушение.

Весьма искусственно, по Ю. Е. Пудовочкину, выглядит и предлагаемая им структура уголовно-правовой нормы («при условиях, указанных в норме (гипотеза), запрещено совершать следующие действия (диспозиция) во избежание

определенных нормой негативных последствий (санкция)). Так, при признании лица виновным в совершении, допустим, кражи чужого имущества (ст. 158 УК РФ) и назначении ему наказания эта структура должна вмещать в себя, по меньшей мере, содержание норм глав 1 («Задачи и принципы Уголовного кодекса Российской Федерации»), 2 («Действие уголовного закона во времени и в пространстве»), 4 («Лица, подлежащие уголовной ответственности») — «гипотеза нормы»; почти все нормы разд. II («Преступление») и ст. 158 УК — «диспозиция нормы»; норм разд. III («Наказание») и санкций ст. 158 УК — «санкция нормы». Если же кражу совершил несовершеннолетний, то дополнительно это «самостоятельное правило поведения» должно иметь в своем составе еще и требования норм разд. V («Уголовная ответственность несовершеннолетних») УК РФ. Очевидно, что ни одна норма, ни один институт уголовного права не могут вместить в себя фактически все уголовное законодательство.

Не более убедительна и гипотетическая структура нормы, обращенной к государству («компетентные государственные органы обязаны выявить и покарать его или применить иные меры уголовно-правового воздействия (диспозиция), иначе для них могут наступить неблагоприятные правовые последствия, не обязательно относящиеся к уголовному праву»). Чтобы «выявить и покарать» (диспозиция) виновного, «компетентные государственные органы» опять-таки под «самостоятельным правилом поведения» должны подразумевать все нормы упомянутых глав и разделов УК РФ, а чтобы взыскать с них за невыполнение такой обязанности (санкция), — уже другие «компетентные государственные органы» при установлении содержания этого правила должны ни много ни мало, а обращаться и к отраслям, «не обязательно относящимся к уголовному праву». Иными словами, для характеристики структуры уголовно-правовой нормы — «низового звена построения системы уголовного права» Ю. Е. Пудовочкину мало норм уголовного законодательства, он допускает обращение и к нормам других отраслей права; путает

содержание воздействия на социум всего уголовного законодательства с влиянием на него уголовно-правовой нормы, которое неотделимо от целостного воздействия на общество уголовного закона.

Ю. Е. Пудовочкин упускает из вида, что невозможность концептуального «деления уголовного права на Общую и Особенную части» предопределяет такую же невозможность автономного, самостоятельного применения уголовно-правовой нормы, а значит, во всяком случае, предполагает и существование «неклассических» норм в уголовном праве (классическая, «как и любая другая норма права, состоит из гипотезы, диспозиции и санкции»). Сторонники понимания уголовно-правовой нормы исключительно как правила поведения (В. Д. Филимонов, Н. М. Кропачев, Т. В. Кленова, Ю. Е. Пудовочкин), таким образом, не только не правы по существу, ибо правило поведения не охватывает санкции нормы, но и потому, что фактически игнорируют наличие в уголовном законодательстве объекта охраны, его охранительной функции, в основе которой как раз и находятся все многочисленные санкции, предусмотренные за совершение всех запрещенных уголовным законом деяний, именуемых преступлениями.

Между тем не вполне удовлетворительны определения уголовно-правовой нормы как «состоящей из нескольких норм-предписаний Общей и одной нормы-предписания Особенной частей УК» (Л. В. Иногамова-Хегай), ибо число этих нескольких норм-предписаний при применении нормы Особенной части, как показано выше, мгновенно возрастает до числа, близкого к количеству норм всей Общей части УК; односторонне и понимание ее как «меры правовой оценки поведения участников общественных отношений» (Н. М. Кропачев), которая регламентирует «поведение субъектов уголовно-правового отношения» (Т. В. Кленова), поскольку многие нормы выходят за указанные правоприменительные рамки, и помимо всего прочего «выполняет функцию выражения юридической научной мысли, делая законодательные акты научными произведениями» [10, с. 37], распространяя свое влияние как на социум в целом, так и на

законодателя (к примеру, те же нормы о принципах уголовного права); основной же недостаток утверждения в том, что «все они выходят за пределы собственно уголовно-правовых отношений и являются признаками норм более общих (например, конституционного) или зависимых (уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное) отраслей права» (В. П. Коняхин), в том, что здесь отчасти игнорируется предмет уголовного права.

Потому наиболее приемлемым определением уголовно-правовой нормы является ее определение как «обязательного для исполнения или руководства при совершении действий правового положения, которое может иметь форму правила поведения, в том числе с мерой уголовной ответственности за его нарушение, и форму принципа, правового определения, декларации, т. е. форму, правоположения, которые закрепляют важнейшие понятия уголовного права» (Н. А. Лопашенко). Вместе с тем и такой подход к пониманию нормы уголовного права требует уточнений. *Во-первых*, при отрицании концептуальных связей между нормами Общей и Особенной частей УК (Ю. Е. Пудовочкин) или умолчании о них (Н. А. Лопашенко) необходимо все-таки определить сферы взаимодействия структур (элементов) концептуальной системы уголовного законодательства, ибо таковые, безусловно, существуют, иначе вообще бессмысленный и вопрос о его теоретической системе. *Во-вторых*, следует разрешить и проблему, в каких внешних формах обособлены эти нормы, поскольку опять-таки без ее разрешения нет смысла и в вопросе об указанной системе. Ведь любая система предполагает, с одной стороны, взаимосвязь структурных элементов между собой, а с другой — их относительную обособленность друг от друга.

Итак, *уголовно-правовая норма — это социально-теоретическое положение,*

предусмотренное в определенной статье (если она подразделяется на части, пункты или на части и пункты одновременно, то в части, пункте либо в части и пункте статьи) Общей части УК, относящееся к совокупности или отдельным существенным свойствам (признакам) преступления или наказания либо уголовного законодательства в целом; или выраженный в уголовно-правовой норме вид преступления (состав единичного (отдельного, конкретного) преступления), обособленный в диспозиции и санкции определенной статьи УК (если она подразделяется на части, пункты или на части и пункты одновременно, то соответственно и в части, пункте либо в части и пункте статьи), система которых обеспечивает постоянное воздействие на социум охранительных и регулятивных уголовно-правовых отношений, а в случаях совершения преступлений и реализацию применительно к их субъектам уголовно-правовых отношений.

Именно уголовно-правовая норма как социально-теоретическое положение, а отнюдь не как «правоположение», ибо «ни в общей теории права, ни в науке уголовного права не наблюдается серьезных расхождений относительно юридической природы правоположений. В самом общем виде правоположениями именуются определенные коллизийные правила, выработанные в судебной практике для преодоления коллизий норм права. Имеющиеся различия во взглядах теоретиков уголовного права касаются лишь определения данного понятия» [7, с. 34]. Поскольку как «взгляды теоретиков уголовного права», так и «правила, выработанные в судебной практике» могут лишь при благоприятном к ним отношении законодателя воплотиться в уголовно-правовых нормах, до того времени к общеобязательности указанных норм эти «правоположения» отношения не имеют.

Список библиографических ссылок

1. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.
2. Иногамова-Хегай Л. В. Конкуренция норм уголовного права. М., 1999.
3. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999.
4. Кленова Т. В. Основы теории кодификации уголовно-правовых норм. Самара, 2001.
5. Коняхин В. П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
6. Лопашенко Н. А. Введение в уголовное право. М., 2009.
7. Яцеленко Б. В. Правоположения в уголовном праве // Гос-во и право. 2000. № 6.
8. Пудовочкин Ю. Е. Учение об основах уголовного права. М., 2012.
9. Алексеев С. С. Структура советского уголовного права. М., 1975.
10. Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика // Правоведение. 1991. № 2.

© Мальцев В. В., Канубриков В. А., 2015